М. В. Новикова-Грунд

ORCID: 0000-0001-5947-7872
✉ *dmitrinus@gmail.com*
Московский международный университет (Россия, Москва)

Грамматическое будущее время и экзистенциальный страх смерти: неосознаваемый выбор глагольных форм

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты психосемиотического исследования, изложенного в монографии [Новикова-Грунд 2014] и посвященного доказательству следующих гипотез: уникальная картина мира индивида 1) существует (а не является образом или метафорой); 2) отображается на тексты индивида таким образом, что по формальным характеристикам текста может быть представлена в виде карты.

Важный элемент карты уникальной картины мира индивида — использование глагольных форм будущего времени или их избегание. Сравнительный анализ текстов контрольной группы, состоящей из людей, совершивших множественные суицидальные попытки, и текстов экспериментальной группы, состоящей из людей, никогда не совершавших таких попыток, показал количественное различие в использовании форм будущего времени: более 60% у суицидентов и менее 1% в экспериментальной группе (за 100% принимались все использованные временные формы в тексте).

Следующим экспериментальным этапом стал подсчет относительного процента форм будущего времени на большом массиве текстов, принадлежащих авторам XIX–XX вв., о которых известно, что суицидальных попыток они не совершали. Результат колебался от 0,5% до 2%.

Интерпретация результатов в рамках уже не лингвистики, а психологии (экзистенциального направления) позволила убедительно связать и использование, и избегание форм будущего времени с экзистенциальным страхом смерти и с различными стратегиями совладания с ним.

Ключевые слова: грамматическое время, психосемиотика, картина мира, неосознаваемый выбор, избегание, суицид

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00921 А.

© М. В. НОВИКОВА-ГРУНД

Для цитирования: *Новикова-Грунд М. В.* Грамматическое будущее время и экзистенциальный страх смерти: неосознаваемый выбор глагольных форм // Шаги / Steps. Т. 5. № 1. 2019. С. 136–150. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-1-136-150.

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2018 г.
Принято к печати 5 января 2019 г.

Shagi / Steps. Vol. 5. No. 1. 2019
Articles

M. V. Novikova-Grund

ORCID: 0000-0001-5947-7872
✉ *dmitrinus@gmail.com*
International University in Moscow (Russia, Moscow)

Grammatical Future Tense and the existential fear of death: Unconscious choice of the verb forms

Abstract. The article presents some results of the psychosemiotic research related in our monograph [Novikova-Grund 2014], which focused on proving the following hypotheses:
1. An individual's unique picture of the world does exist (it is neither an image nor a metaphor);
2. An individual's unique picture of the world is reflected on his texts in such a way that it can be presented as a map based on the formal characteristics of the text.
An important element of the unique picture of the world of an individual is the use of the verb forms of Future Tense or their avoidance. The use of Future Tense by a person in his (her) spontaneous (not edited) texts is a result of his (her) free and unconscious choice. Comparative analysis of texts of a control group which consisted of people who had made numerous attempts at committing suicide and texts of an experimental group which consisted of people who had never made any such attempts showed a quantitative difference in the use of forms of Future Tense: more than 60% in the group of those attempting suicide and less that 1% in the experimental group (100% referred to all the tense forms used in the text).
The next experimental stage was to calculate the relative percentage of Future Tense verb forms in a large body of texts produced by 19th–20th century authors who are known to have never attempted to commit suicide. A rather simple mathematical method of calculation, created for solving this particular problem, allowed us to confirm with confidence that the coincidence of these numerical results could not be an accident.

© M. W. NOVIKOVA-GRUND

Interpreting the results withing a psychological, rather that a linguistic framework allowed us to convincingly link both the use and the avoidance of Future Tense forms with the existential fear of death and with different strategies for coping with it.

Keywords: grammatical tense, psychosemiotics, picture of the world, unconscious choice, avoidance, suicide

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation of Basic Research (project no. 18-013-00921 A).

To cite this article: Novikova-Grund, M. W. (2019). Grammatical Future Tense and the existential fear of death: Unconscious choice of the verb forms. *Shagi / Steps, 5*(1), 136–150. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-1-136-150. (In Russian).

Received December 4, 2018
Accepted January 5, 2018

Идеология психосемиотического подхода

Данная статья представляет собой фрагмент большого исследования класса задач «Человек ⇔ Текст». Этот класс задач в общем виде рассматривает гомоморфизмы объектов, представимых как тексты, и, в широком смысле, психологические характеристики людей, породивших эти тексты. Под текстом в этом подходе понимается любая последовательность знаков в понимании не столько Ч. Пирса (знак — это триада, состоящая из формального показателя, объекта действительности и объединяющей их мыслительной процедуры), сколько Л. Ельмслева (двусторонняя сущность, состоящая из плана выражения и плана содержания) и Ф. де Соссюра (единство означаемого и означающего) [Пирс 2009; Мартине 1960; Martinet 1982]. При всем многообразии интерпретаций понятия «знак» константным остается представление о замене либо репрезентации некоторого сложно устроенного, «большого» объекта (а в рамках предлагаемого здесь теоретико-множественного подхода — объекта с размытыми границами) объектом дискретным и «маленьким». В представленном здесь психосемиотическом подходе в психологии в качестве «дискретного объекта» были избраны тексты, написанные испытуемыми в рамках текстовых методик (ТМ; см. подробнее: [Новикова-Грунд 2016]), а в качестве сопоставленного ему «объекта с размытыми границами» — собственно сами испытуемые, авторы текстов ТМ. Здесь необходимо остановиться на определениях, которые внутри строгого семиотического подхода вынужденно носят фрактальный характер, причем эта остановка будет сугубо технической. Текст является знаком, состоящим из последовательностей знаков, каждый из которых также состоит или может состоять из последовательностей знаков, etc.; автор текста, в свою очередь, не эквивалентен постоянно меняющемуся и адаптирующемуся к различным внешним и внутренним обстоятельствам индивиду.

Методология

Работа с классом задач «Человек ⇔ Текст» позволяет выстроить более рефлексивный в методологическом плане подход к эксперименту, чем тот, что обычно используется в экспериментальных практиках. Так, до формулирования гипотезы эксперимента выявляется ранее скрытый этап, который мы обозначим как прегипотезу. Этот этап обычно не описывается в экспериментальных исследованиях, уходя в умалчиваемую эвристическую часть работы. Однако в классе задач «Человек ⇔ Текст» он с необходимостью осмысляется и формализуется, что позволяет не только сформулировать в точных понятиях собственно гипотезу, но и выбрать адекватные гипотезе экспериментальный план и математический аппарат.

В основу прегипотезы нашего исследования были положены многочисленные повторы в текстах ТМ. Эти повторы были выявлены при анализе большого (более 5000 единиц) массива текстов ТМ, которые написаны людьми разного пола и возраста, находившимися в различных жизненных ситуациях, располагались на сюжетном, лексическом, семантическом, глубинно-синтаксическом и морфологическом уровнях. Была выдвинута прегипотеза о том, что повторы отображают некоторую системность построения любого текста любым человеком в любых условиях. Интерпретация этой системности свелась к тому, что в любом тексте и в любых обстоятельствах любой человек на всем множестве уровней многократно дублирует повторами (в том числе и зеро-повторами, т. е. системными умолчаниями) свои нерешенные проблемы, из которых можно выделить ряд особых проблем, принципиально не имеющих конечного решения. Эти нерешенные и нерешаемые проблемы экзистенциального плана — страх смерти, свободы, идентичности, одиночества и любви — были объединены нами, вслед за И. Яломом [Yalom 1980], в множество под названием «экзистенциальная картина мира индивида». Многократные экспериментальные проверки, из которых две были лонгитюдными и проводились сериями на различных парах экспериментальных и контрольных групп, позволили предположить, что предложенная интерпретация достаточно обоснованна. После этого стало возможным сформулировать собственно гипотезы, построенные на основе прегипотезы после ее интерпретации — доказательства системности и выявления инвариантов.

1. Индивидуальная картина мира человека не является метафорой, а существует в реальности (что бы ни понималось под словом «реальность»).

2. Индивидуальная картина мира человека отображается на тексты, порождаемые этим человеком.

План эксперимента и выбор (а до некоторой степени и создание) математического аппарата для доказательства этих гипотез базировался именно на специфике повторов, исследованных в прегипотезе. Макростатистический подход, принятый в экспериментальных исследованиях в психологии, был отвергнут по содержательным соображениям, поскольку не позволял работать с индивидуальными кейсами, сравнивать статистически незначимые множества и давал лишь вероятностные результаты. В то же время прегипотеза исследования давала возможность, благодаря знаковому, семиотическому подходу, а также специфике лингвистического эксперимента, воспользоваться инструментами теоретико-множественного подхода, который позволяет в предельных случаях сравнивать всего два множества.

Метод бикластеризации и комбинаторная валидность

Основное отличие теоретико-множественного подхода от макростатистического и, соответственно, отличие психосемиотического эксперимента от психологического заключается в следующем. В классе психологических экспериментов мы вынуждены пользоваться макростатистикой, поскольку имеем дело с расплывчатыми и неопределенными понятиями, выражающимися в словах с неопределенными же референциями («тревожность», «удовлетворенность», «уверенность»). Макростатистический подход позволяет исключить «шум», создаваемый этой семантической неопределенностью. Напротив того, в классе психосемиотических экспериментов в рамках моделей «Человек ⇔ Текст» используются однозначно-понимаемые параметры с однозначной же, конкретной референцией: так, грамматическое прошедшее время репрезентируется соответствующим суффиксом. «Шума» в этом случае не возникает. Кроме того, параметры на каждом из обозначенных выше уровней можно представить в бинарном выражении: они либо есть (1), либо их нет (0).

Трудность возникает здесь только в связи с выбором самих формальных параметров, по которым выстраиваются сравнения (гомоморфизмы). В прегипотезе к предлагаемому исследованию, в интерпретационной ее части, мотивируется и осмысляется именно выбор параметров. Однако уверенности в том, что выбранные параметры обладают свойствами необходимости и достаточности, предварительная интерпретация не дает, так как некоторые параметры могут остаться незамеченными исследователем, а некоторые другие, напротив, могут оказаться избыточными. Поэтому для выявления возможных артефактов был применен метод бикластеризации [Игнатов 2010], при котором вначале кластеризируются сами выделенные параметры, а затем — тексты, a) содержащие собственно эти параметры и b) соответствующие значения этих параметров. В случае успешного решения возникает множество полностью идентичных бинарных, т. е. состоящих из нулей и единиц, кластеров, для которых исключается вероятность случайного совпадения. Вероятность случайного совпадения считается по элементарной комбинаторной формуле $\rho = (2^{m \times k})^{(-1)}$, где ρ — вероятность случайного совпадения, m — количество параметров, k — количество текстов. Вероятность случайного совпадения будем считать равной нулю при $(2^{m \times k}) > 2^7 > 128$. Число $(^1/_{128}) = 0{,}0078125$ будем считать доверительной вероятностью ρ.

То есть для предельного случая — сравнения двух текстов — необходимо совпадение (при означенной ρ) по четырем параметрам. Общее решение бикластеризации для класса задач «Человек ⇔ Текст» подробно излагается в готовящейся к печати статье с рабочим названием «Решение игр с имплицитными правилами методом бикластеризации».

Бинарный параметр «Будущее время»

Важный элемент карты уникальной картины мира индивида — использование глагольных форм будущего времени или их избегание. Использование человеком в своих спонтанных (нередактированных) текстах глагольных форм будущего времени полностью является результатом его свободного и

неосознаваемого выбора. Действительно, в абсолютном большинстве случаев, даже если цель высказывания индивида состоит в описании событий — прозреваемых, планируемых, желаемых или вызывающих опасение, которые он относит к будущему, — он волен оперировать формами прошедшего, настоящего или будущего времени. Сравним три контекстуально синонимичных сообщения стоящего в дверях человека: «Я пошел» / «Я ухожу» / «Я пойду». Гипотеза об избегании носителями русского языка форм будущего времени возникла в ходе эмпирических наблюдений за спонтанными высказываниями психотерапевтических клиентов и была проверена с помощью психолингвистического эксперимента. Эксперимент проводился с использованием текстовой методики «Мой главный поступок», контрольную группу составили люди, неоднократно совершавшие суицидальные попытки, в экспериментальную группу вошли люди, никогда суицидальных попыток не совершавшие. Такое контринтуитивное противопоставление экспериментальной и контрольной групп было обусловлено интересом именно к «норме».

Текстовая методика «Мой главный поступок» была исходно создана для выявления связи двух экзистенциальных составляющих в индивидуальной картине мира человека — времени и свободы.

Испытуемым предлагалось написать четыре коротких текста на тему «Мой главный поступок» — сначала от собственного лица, а затем последовательно от лица ребенка, старика и безумца (последний текст вводил «фундаментальный запрет», ограничивавший свободу индивида: он очерчивал круг допустимых действий, выход за который грозил распадом идентичности и превращал Я в Другого). Отсутствие глагола в личной форме в формулировке темы позволяло испытуемым поместить «главный поступок» в прошлое, настоящее или будущее время. Пилотажное исследование длилось более четырех лет и охватило 284 человека, представителей условной «нормы». Подавляющее большинство испытуемых (218 человек, или 74%) расположило «главный поступок» в прошлом, очень небольшая часть (11 человек, или 4%) — в будущем, еще 49 человек (17%) написали, что «главных поступков» вообще не бывает, поскольку «никогда не знаешь, какой пустяк окажет влияние на всю жизнь, а что выглядит таким важным сейчас, а никак ни на что не повлияет»[1]. Еще 16 человек (5%) расположили поступок в «перфектном настоящем»: он уже совершен и продолжает совершаться и совершаться («Мой главный поступок в том, что я хожу на все лекции, и даже на первую пару, и я так делал начиная с первого курса, и с курса меня ничто не собьет!»).

Определения «главного поступка» никто, естественно, не приводил, но имплицитно абсолютное большинство закладывало в него следующее содержание.

Если «главный поступок» существует и совершается по воле персонажа, то он имеет инициальный характер («С тех пор я…», «После этого я…»), сводящийся всего к трем формулам: «я научился», «я сумел», «я решился».

Он совершается вопреки некоему препятствию, характер которого поддается строгой формальной классификации:

• вопреки воле конкретного человека («хотя папа был категорически против…»); вопреки воле неопределенных *всех их* («все считали меня блаженненьким, но я…»);

[1] Здесь и далее в цитатах из текстов ТМ сохраняется орфография оригинала.

• вопреки внешним обстоятельствам («хотя было холодно и уже темнело…»; «у нас в то время совсем не было денег, но я…»);

• вопреки «внутренним обстоятельствам» («я очень боялся высоты, но…»; «хотя по утрам мне страшно хочется спать, и вообще я ленивый, я…»).

Помимо препятствия существует б е н и ф и ц и а н т — тот, на благо которому совершается поступок. Классификация бенифициантов полностью симметрична классификации препятствий. Поступок совершается:

• на благо конкретному человеку («бабушка была просто счастлива…»);

• на благо неопределенным *всем им* («всем сразу стало легче, и кто-то даже стал строить планы на вечер, когда мы отсюда выберемся…»);

• на благо внешним обстоятельствам («когда-нибудь найду такие слова, которые всех убедят не загрязнять окружающую среду…»);

• на благо себе («только сделав это, я понял, как я нуждался в том, чтобы доказать себе…»).

Кроме абсолютно облигаторных препятствия и бенифицианта в текстах встречаются факультативные п о м о щ н и к и и з р и т е л и, наличие или отсутствие которых много объясняет в картине мира автора текста.

В части текстов, где возможность главного поступка отвергалась, понимание его в приведенной системе параметров все равно сохранялось неизменным («скажем, человек думает, что совершил такой прямо главный поступок, всех осчастливил, а всем не жарко не холодно…»).

Есть еще небольшая часть текстов, где принципиально не различается п о с т у п о к, совершенный по в о л е героя, и с о б ы т и е, случившееся с героем, который не принимал в нем волевого участия. Обычно в этих текстах главным поступком авторы называют факт своего рождения.

Работы, в которых «главный поступок» был вынесен в будущее время, сильно выделялись на фоне других работ. Во-первых, их было ничтожно мало. Во-вторых, выбор будущего времени всегда совпадал с наличием «коллективного персонажа» *все они*. Эти *все они* выступали и в качестве препятствия, и в качестве одного из бенифициантов, и почти непременно являли собой толпу восхищенных или возмущенных зрителей. Кроме того, в текстах с будущим временем преобладали неагенсные конструкции.

После предположения, что подобное явление может зависеть от возраста испытуемых, методика была проведена с детьми разных возрастов. Результат оказался неожиданным. В группах детей старше 10 лет уверенно преобладают работы, в которых «главный поступок» помещен в прошедшее время, хотя процентное соотношение все же иное, чем среди взрослых (у взрослых поступок в прошедшее вынесли 74% испытуемых, у детей — 63%). Дети 8–10 лет также достаточно часто помещают «главный поступок» в прошлое. Однако процент работ, написанных в будущем времени, еще выше. Но в детских работах выявилось принципиальное качественное отличие: дети свой поступок в будущем времени, как правило, достаточно реалистично связывают с настоящим, а центром сообщения оказываются пути достижения:

> Я еще в первом классе считала лучше всех, а теперь мне очень нравится решать большие примеры в столбик. Когда я вырасту, мой самый главный поступок будет, что я стану главным бухгалтером в большой фирме, как моя мама.

> Я не люблю делать уроки, а люблю кататься на велосипеде, поступлю в физкультурный и буду лидером в гонках и получу кубок.

Присутствие персонажа *они все* в детских работах не имеет такой жесткой связи с выбором будущего времени.

В работах взрослых пути достижения желаемого практически не обсуждались. Вместо этого центром сообщения, сопровождающимся напряженным переживанием, оказывались те блага и удовольствия, которые следовали за совершением поступка:

> Моим главным поступком будет получение миллиона, или замуж за олигарха, или написание хорошей книги. Он будет возить меня отдыхать три раза в год, устраивать мне путешествия, покупать… [перечисление покупок занимает почти страницу], меня будут узнавать на улицах и просить автограф, а некоторые будут немного завидовать.

После индивидуальных бесед с участниками ТМ, выбравшими для своего «главного поступка» н е - б у д у щ е е время, в качестве возможной интерпретации можно допустить, что большинство взрослых отказываются описывать поступок в будущем, во-первых, по этикетным соображениям («Ну что я буду хвастаться тем, что еще не сделал и, может быть, и не смогу!»); во-вторых, почти все взрослые прямо или косвенно подтверждали наличие магической составляющей, ограничивающей возможность говорить — нет, скорее писать! — о будущем («У меня наполеоновские планы, но поговорим, когда они воплотятся, тьфу-тьфу-тьфу!»). У детей младше 10 лет отсутствовали как этикетные, так и магические ограничения.

Взрослые, для которых эти ограничения оказались неактуальными, не производили впечатления вполне благополучных людей. В качестве гипотезы было выдвинуто эвристическое предположение, что структура текстов ТМ, где все желаемое откладывается на будущее, а настоящее описывается неагенсными конструкциями, по некоторым неизвестным нам причинам оказывается предпочтительной для людей, которые бессознательно пытаются не допустить того, чтобы их надежды сбылись.

После этого ТМ «Мой главный поступок» была проведена в кризисном отделении одной из клиник среди пациентов, поступивших туда после не первой суицидальной попытки. Всего были обследованы 10 человек. Семь из них написали тексты о «главном поступке», которые интуитивно можно было оценить как «совершенно одинаковые»: с одинаковой структурой сюжета, с поступком, помещенным в будущее время. Для иллюстрации приведем две цитаты. Вот текст 43-летней пациентки (образование среднее, не работает, три попытки суицида в анамнезе):

> Мой главный поступок еще впереди. Когда-нибудь, когда мое здоровье поправится, у меня получится поступить в медицинский институт и открыть лекарство против рака и СПИДа. За спасение человечества от этих страшных болезней все будут мне благодарны — и мои родные, и незнакомые люди…

и далее следует полторы страницы описания благ, которые автор получит в результате известности.

27-летний молодой человек (образование среднее, работает экспедитором, три попытки суицида в анамнезе), откликается:

> Когда-нибудь мне удастся получить очень высокооплачиваемую работу в каком-нибудь престижном учреждении. Мне будут платить не меньше 7–8 тысяч, потому что будут очень меня ценить. А за особые успехи мне часто будут выписывать премии в размере годового оклада… —

и вновь следует описание выгод и благ от произошедшего, втрое превышающее по объему описание собственно «поступка».

Статистически незначительное количество текстов при обработке текстовых методик не является препятствием для обработки, поскольку к ряду задач класса «Человек ⇔ Текст» можно применить нестатистический, комбинаторный метод, позволяющий в предельном случае работать всего с двумя текстами. Он строится на следующем алгоритме. Выделяется ряд бинарных текстовых параметров (далее он будет называться Стандартным 15-местным списком бинарных переменных). Например: бинарный параметр «наличие / отсутствие агенсных конструкций» представлен единицей, если в тексте ТМ, закодированном в виде кластера параметров, есть хотя бы одна агенсная конструкция; если ни одной агенсной конструкции в тексте не содержится, параметр представлен нулем. Точно так же параметр «будущее время» представлен единицей для текстов, в которых хотя бы один раз встречаются грамматические формы будущего времени; для текстов, в которых форм будущего времени не встретилось, этот параметр имеет нулевое значение. Таким образом, любой текст ТМ можно представить в виде 15-местного кортежа из нулей и единиц. Вероятность случайного совпадения подкортежей понижается в зависимости либо от длины этих подкортежей, либо от количества совпавших подкортежей. В случае с текстами людей, совершивших неоднократные попытки суицида, семь 15-местных кортежей полностью совпали. Для 7 текстов при выделении 15 бинарных параметров вероятность случайного совпадения $\rho = (0{,}000057870)^6$, т. е. бесконечно мала. В контрольной группе людей, не совершавших суицидальных попыток, совпадений кортежей, как и ожидалось, не было обнаружено.

Следующим шагом было определить специфику не группового, а индивидуального использования грамматического будущего времени. Проверка этой части гипотезы была проведена посредством квазиэксперимента в понимании Д. Кэмпбелла [Cook, Campbell 1979]: тексты не были получены в ходе лабораторного эксперимента с предварительным уравниванием групп, по предъявленной испытуемым единой инструкции, а были написаны независимо друг от друга и от автора исследования, вне связи с определенной экспериментальной задачей. К этим независимым текстам, однако, были применены избранные автором исследования гипотеза, экспериментальный план и способ обработки результатов.

В качестве квазиэкспериментальных групп были выбраны четыре давно умерших и поэтому недоступных для непосредственного диалога человека: Чехов, Достоевский, Гоголь и Набоков. Материалом послужили все опубликованные тексты этих четырех авторов. Их полное исследование открывало

возможность рассмотреть в лонгитюде множество текстов одного человека: ранних, зрелых, поздних, различающихся по стилю, по коммуникативной направленности и функции, порожденных в самых разнообразных жизненных ситуациях и психических состояниях их автора. Подобный охват, невыполнимый при работе с короткими текстами ТМ, должен был определить, существуют ли постоянно присущие человеку кортежи текстовых параметров, кодирующие элементы его экзистенциальной картины мира, и если да, то изменяются ли основные коды его текстов в зависимости от возраста, жизненной ситуации, функциональной направленности высказывания или же они остаются неизменными и постоянными на протяжении жизни человека. Кроме того, это объемное исследование могло дать ответ и на второй вопрос: существуют ли некоторые обычные, «нормальные» сочетания параметров и, соответственно, отклонения от них или эмпирические наблюдения за текстами ТМ, описываемые критерием «часто / редко», не имели под собой реальной почвы?

Контрольной группой в квазиэксперименте стал «псевдоавтор», представленный текстами 50 реальных русских авторов XIX–XX вв. Таким образом, за каждым из массивов текстов экспериментальной группы стоял реальный человек с предположительно присущей ему и только ему экзистенциальной картиной мира; за контрольным набором текстов скрывалась не личность, а конструкт-«псевдоавтор», заведомо не имеющий собственной уникальной единой экзистенциальной картины мира.

Благодаря этому планируемые результаты должны были различаться следующим образом:

• каждый из четырех человек экспериментальной группы в случае подтверждения гипотезы должен был быть представлен текстами, имеющими уникальный набор частотностей по Стандартному списку бинарных переменных;

• тексты «псевдоавтора» контрольной группы должны были принципиально отличаться некоторыми частотностями по Стандартному списку бинарных переменных.

Процедура квазиэксперимента состояла в том, что из массива текстов каждого автора и из псевдотекста «псевдоавтора» было взято 50 «проб». Каждая из «проб» представляла собой связный 100-словный фрагмент текста, извлеченный из массива. Фрагменты извлекались не случайным образом, а по схеме: от ранних произведений к поздним, включая дневники, письма и рецензии. При извлечении фрагментов соблюдался принцип «постоянства длины шага»: фрагменты выбирались механически на приблизительно равном (по количеству страниц) расстоянии друг от друга. Интуитивно «пробы», взятые из текстов четырех авторов, различались достаточно легко. Три эксперта, хорошо знакомые с литературой XIX в., которым были предъявлены карточки с «пробами» без обозначения авторов фрагментов, почти безошибочно соотнесли их с соответствующими писателями. Средняя ошибка экспертов составила около 20% (соответственно 36, 40 и 41 ошибочных соотнесений на 200 «проб»), причем все ошибки были связаны с попарными неразличениями фрагментов из Набокова / Чехова и из Гоголя / Достоевского. Таким образом, можно было предполагать попарное подобие текстов (собственно, это предположение, еще до опроса экспертов, и явилось эвристической предпосылкой выбора именно этих авторов).

В процессе формализации к каждому из фрагментов был применен Стандартный список бинарных переменных, однако процедура обработки была изменена: если для обработки текстов ТМ применялся бинарный критерий «да/нет» (данный параметр присутствует / не присутствует), то теперь подсчитывалась частотность данного параметра (применялся критерий «часто/редко»). При подсчете частотностей соблюдались существующие лексикографические принципы, по которым, в зависимости от требуемой точности, обычно рассчитывается частотность встречаемости слова на тысячу слов либо на 10 000 слов. Нами был избран условно средний по точности вариант — расчет на 5000 слов. Выбор был обусловлен тем, что подсчету подлежали не лексемы, а семантические, глубинно-синтаксические и морфологические элементы, частотность которых теоретически на порядки превосходила частотность лексем. Список, примененный к произвольным текстам, сократился от 15-позиционного до 14-позиционного, что практически не отразилось на точности подсчета вероятности случайных совпадений, которая осталась исчезающее мала.

Формализованные данные по четырем реальным авторам и «псевдоавтору» были сформированы в матрицу, где столбцами были представлены 14 текстовых переменных, а строками — авторы соответствующих массивов текстов. Ячейки матрицы заполнялись числами, выражающими абсолютную и процентную частотности каждой из переменных для каждой 100-словной «пробы». Затем из таблицы были выделены все константы. После этого по отдельности были отсортированы константы, действительные для всей матрицы в целом, и константы для каждого из авторов.

Результатом квазиэксперимента стало получение общих и индивидуальных закономерностей для числовых значений параметров, представленных в таблице. В приведенной ниже таблице сопоставлены индивидуальные характеристики использования временны́х глагольных форм (*P* — прошедшее время, *Pr* — настоящее, *F* — будущее, *A* — абсолютное).

Авторы	**P*	**Pr*	**F*	**A*
Чехов	30	28	17	25
Достоевский	40	23	10	27
Гоголь	50	14	7	29
Набоков	62	11	5	22
(N) «псевдоавтор»	46	19	10	25

* в % на 50 000 слов (5 серий по десять 100-словных проб)

Легко видеть, как столбец *F* (будущее время) отличается от других.

Результатом исследования текстов четырех реальных авторов по параметрам было получение закономерностей, общих для всех четырех массивов. Общие закономерности, на наш взгляд, могут быть с высокой долей вероятности экстраполированы за пределы изученных четырех массивов текстов и расцениваться как некоторая «норма», разумеется, с возможностью дальнейшего уточнения.

Показателем предпочтений в описании реальности является соотношение числа форм прошедшего, настоящего, будущего и абсолютного времени в тексте. В различных 100-словных пробах оно могло быть различным, т. е. один и тот же автор мог иметь различные предпочтения в описывании реальности, однако отношение средних сумм по каждым десяти пробам всегда колебалось в пределах одних и тех же чисел. При количестве проб равном или большем 10 выявленное соотношение чисел устанавливалось и далее, при увеличении числа проб оставалось неизменным.

Вот обобщение некоторых результатов квазиэксперимента.

1. Множество всех исследованных текстов каждого из авторов (четыре реальных человека + «псевдоавтор») после установления подобия по параметрам разделилось на пять подмножеств.

2. Каждое из четырех первых подмножеств (тексты четырех реальных авторов) обнаружило уникальные для каждого 14-местные кортежи, состоящие из числовых значений параметров; пятое, контрольное подмножество («псевдоавтор»), не обнаружило закономерностей, характерных для текстов реальных людей. Тем не менее именно благодаря подмножеству текстов «псевдоавтора» оказалось возможным определить границы «нормальных» числовых значений параметров и их соотношений.

3. Числовые значения каждого из параметров, определившиеся по первому десятку 100-словных проб, взятых случайным образом из множества текстов каждого из реальных авторов, совпали с точностью 3–5% с соответствующими числовыми значениями для второго, третьего, четвертого и пятого десятков 100-словных проб, взятых случайным образом из множества текстов того же автора, т. е. кортежи по каждому из реальных авторов обнаружили свою регулярность и повторяемость. В массиве текстов «псевдоавтора» регулярности и повторяемости не было обнаружено.

4. Это свидетельствует о том, что индивидуальная картина мира каждого из четырех реальных авторов существует, отображается на любой их текст и остается неизменной, по крайней мере в некоторых своих аспектах, на протяжении всей жизни.

5. Формы грамматического будущего времени колеблются вокруг 10% от общего числа временны́х форм глагола, в отличие от форм прошедшего (46%), настоящего (19%) и абсолютного (25%) времени.

Интерпретация полученных результатов лежит в экстралингвистическом поле и может быть логично истолкована с позиций психологии в рамках экзистенциального подхода.

Одной из наиболее продуктивных интерпретаций избегания форм будущего времени в условной норме представляется следующая. С психологической точки зрения будущее воспринимается как некоторое пространство, куда человека несет помимо его воли и контроля. В этом пространстве располагаются события и ситуации, принадлежащие к двум противоположным эмоциональным полюсам. Полюс желаемого — это достижение целей, воплощение надежд, счастливые случайности. Полюс нежелаемого — это крушение надежд и случайности несчастливые, из которых самой печальной и в то же время неотменимой является смерть индивида. Многие люди строят свою индивидуальную картину мира диалогически: в зависимости от реплик божественного

кайроса — непредсказуемых случайностей, которые предлагает ему жизнь, — человек ищет ответ в своем опыте, умениях, способности к спонтанным реакциям, наконец, в субъективном переживании собственной исключительности. В текстах людей с подобной диалогической стратегией преобладают агенсные конструкции («Я делаю/сделал нечто сам»), а сюжетные структуры агональны: протагонисты их текстов выигрывают — постоянно или после серии проигрышей — у других персонажей текстов, у жизненных обстоятельств и/или у самих себя. И игроки хорошо понимают, что подробно переживать еще не состоявшуюся победу, заранее обдумывать, как распорядиться еще не выигранным призом, — это лучший способ накликать поражение. Поэтому в своих текстах они избегают грамматического будущего времени; наоборот, прошедшее и настоящее грамматическое время у них преобладает: они осмысляют игры, уже закончившиеся победой или поражением, и переживают связанные с этим реальные, настоящие эмоции.

Совсем иные стратегии (и отражающие их сюжетные и глубинно-синтаксические структуры) используют люди, помещающие в своей картине мира себя в позицию слабого протагониста, не способного к диалогу с другими людьми и с Судьбой. Такая позиция дает ее носителю большое количество преимуществ: снимает чувство вины («от меня ничего не зависит»), позволяет не действовать («я ничего не могу изменить»), открывает возможность для счастливых ожиданий внезапного успеха. Но чем меньше человек склонен описывать свою жизнь агенсно, как поддающуюся его личному контролю, чем меньше он принимает на себя ответственность за происходящее с ним, тем с большим страхом он воспринимает будущее. Здесь работает экстраполяция уже имеющегося опыта на события будущего: будущее проектируется как еще бóльшие по отношению к настоящему беспомощность и несвобода, ведущие к летальному исходу. Копинг-стратегии, призванные противостоять подобному переживанию, немногочисленны и связаны с «отменой будущего». Либо это достаточно редкая стратегия сверхжесткого циклического планирования, когда расписан каждый шаг и будущее со всеми непредсказуемыми случайностями, счастливыми или несчастными, отменяется. Либо это создание непреодолимой преграды между настоящим, которое воспринимается как бесконечный черновик, и ослепительным будущим, которое никогда не наступит. Когда человек помещает свой «главный поступок» в будущее, отделенное от настоящего непреодолимой пропастью, он достигает двух важнейших выгод. Во-первых, актуальные события его жизни обесцениваются, превращаются во «всего лишь пролог к настоящей жизни»; он снимает с себя ответственность за настоящее, за совершаемые и уже совершенные поступки, так как впереди Главный Поступок, который искупит и оправдает все. Во-вторых, он практически достигает вечной молодости и бессмертия: старость и смерть лежат в будущем, а оно отделено от настоящего пропастью, недостижимо; вероятность того, что оно наступит, не выше, чем вероятность, что 43-летняя женщина без образования изобретет «лекарство против рака и СПИДа». Собственно, жизнь подтверждает представления этих людей: некоторые из них неоднократно совершали суицидальные попытки, которые доказывали им, что они бессмертны, — ведь с ними не произошло непоправимого. И ни один из них не назвал попытку суицида своим главным поступком, потому что главный поступок

изменяет жизнь, а их жизнь в настоящем гарантирована от всяких изменений, что бы они ни сделали. Изменения — удел будущего, которое отсутствует у бессмертных. Но бессмертие стоит дорого: его можно купить, лишь отказавшись от свободы, спонтанности, игры, азарта — от жизни в настоящем.

Литература

Игнатов 2010 — *Игнатов Д. И*. Модели, алгоритмы и программные средства бикластеризации на основе замкнутых множеств: Дис. … канд. техн. наук / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М., 2010.

Мартине 1960 — *Мартине А*. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева / Пер. с фр. В. П. Мурат // Новое в лингвистике. Вып. 1 / Сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 437–462.

Новикова-Грунд 2014 — *Новикова-Грунд М. В*. Уникальная картина мира индивида и ее отображение на тексты: на примере текстов людей, совершивших ряд суицидальных попыток. М.: Левъ, 2014.

Новикова-Грунд 2016 — *Новикова-Грунд М. В.* Текстовые методики: попытка совмещения психотерапевтических техник и доказательной психологии в парадигме культурно-исторической концепции Л. С. Выготского // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 3. С. 95–104.

Пирс 2009 — *Пирс Ч. С*. Что такое знак? / Пер. с англ. // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95.

Cook, Campbell 1979 — *Cook T. D., Campbell D. T*. Quasi-experimentation: Design & analysis issues for field settings. Boston: Houghton Mifflin, 1979.

Martinet 1982 — *Martinet A*. Elements of general linguistics. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1982.

Yalom 1980 — *Yalom I. D*. Existential psychotherapy. New York: Basic Books, 1980.

References

Cook, T. D., Campbell, D. T. (1979). *Quasi-experimentation: Design & analysis issues for field settings*. Boston: Houghton Mifflin.

Ignatov, D. I. (2010). *Modeli, algoritmy i programmnye sredstva biklasterizatsii na osnove zamknutykh mnozhestv* [Models, algorithms and software tools of biclusterization on the basis of closed sets] (Cand. Sci. (Technical Sciences) Thesis, State University — Higher School of Economics). Moscow. (In Russian).

Martine, A. (1960). O knige “Osnovy lingvisticheskoi teorii” Lui El’msleva [Trans. from Martinet, A. (1946). Au sujet des Fondements de la théorie linguistique de Louis Hjelmslev. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 42*(1–2) (No. 124–125)]. In V. A. Zvegintsev (Ed.). *Novoe v lingvistike* [New studies in linguistics] (Issue 1), 437–462. Moscow: Izdatel’stvo inostrannoi literatury.

Martinet, A. (1982). *Elements of general linguistics.* Chicago: Univ. of Chicago Press.

Novikova-Grund, M. W. (2014). *Unikal’naia kartina mira individa i ee otobrazhenie na text: na primere tekstov liudei, sovershivshikh riad suitsidal’nykh popytok* [The unique picture of the world of an individual and its reflection on his texts: Based on texts produced by people who have made a number of attempts at suicidee]. Moscow: Lev". (In Russian).

Novikova-Grund, M. V. (2016). Popytka sovmeshcheniia psikhoterapevticheskikh tekhnik i dokazatel'noi psikhologii v paradigme kul'turno-istoricheskoi kontseptsii L. S. Vygotskogo [Text-based methods: Psychotherapeutic techniques and the psychology of proof in L. S. Vygotsky's cultural-historical theory]. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk* [Psychological and Pedagogical Search]*, 2016*(3), 95–104. (In Russian).

Pirs [= Peirce], Ch. S. (2009). Chto takoe znak? [Trans. from Peirce, Ch. S. (1998[1894]). What is a sign? In *The Essential Peirce*, (Vol. 2) *Selected philosophical writings, 1893–1913*, 4–10. Bloomington: Indiana University Press]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], Ser. *Filosofiia. Sotsiologiia. Politologiia* [Philosophy, Social and Political Studies]*, 2009*(3(7)), 88–95. (In Russian).

Yalom, I. D. (1980). *Existential psychotherapy.* New York: Basic Books.

* * *

Информация об авторе

Марина Вильгельмовна Новикова-Грунд
кандидат психологических наук
декан, факультет психологии,
Московский международный университет,
Россия, 125040, Москва, Ленинградский пр-т, д. 17
Тел.: +7 (499) 490-58-04
✉ *dmitrinus@gmail.com*

Information about the author

Marina W. Novikova-Grund
Cand. Sci. (Psychology)
Dean, Psychology Department,
International University in Moscow,
Russia, 125040, Moscow, Leningradsky Prospect, 17
Tel.: +7 (499) 490-58-04
✉ *dmitrinus@gmail.com*